

НЕ ХОЧУ
В ШКОЛУ!

НАТАЛЬЯ ЦАРЁВА

Наталья Царёва

Не хочу в школу!

<https://litres.ru/74141328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть о том, как Ольга Валерьевна в школу работать ходила.
Честный рассказ о современной ситуации в образовании. Без нагнетания, но и без сладкой розовой ваты.

Содержание

Собеседование	4
1 сентября	7
Творческий подход	11
Девятый КРО и индивидуальник	17
Столовая	21
ЧП	26
Прямо в ад	28
Школьный лагерь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Не хочу в школу!

Собеседование

- Какой у вас класс там? Шестой «а»? Это бывший пятый «а» то есть? А вы точно хорошо подумали?

Секретарь в приемной у кабинета директора смотрит взрослыми усталыми глазами. В них светятся ирония и сочувствие, наверное, она повидала немало таких, как Ольга

Та в ответ улыбается.

- Я подумала.

Ольга – молодой специалист. Дипломированный учитель русского языка и литературы. Лучшая студентка на курсе, отличница, олимпиадница, аспирантка

Замужняя дама, между прочим. На последнем курсе она вышла замуж за парня, с которым встречалась со школы. Ольга – не какой-то там ботаник, знающий жизнь только из книжек, из-за развода родителей ей пришлось с шестнадцати лет жить одной, еще в школе она пробовала себя в журналистике, как внештатник писала статьи для городских газет. Она верит в себя, потому что знает, на что способна.

Конечно, в душе ей немного страшно, но ведь так всегда бывает перед началом нового дела.

Только что она прошла собеседование перед поступлением на работу.

Увидав ее, директор – обаятельный грузный мужчина – сразу отправил к заучу.

- Это к Татьяне Константиновне.

Татьяна Константиновна, сухопарая строгая женщина под пятьдесят, похожая на Снежную королеву, внимательно посмотрела «красный» Ольгин диплом, поговорила о том о сем и приняла решение:

- Вы нам подходите. А какие там классы?

Она глядит куда-то в свои бумаги.

- Ах, шестой «а» Это очень сложный класс. И еще мы дадим вам коррекционный девятый. Ну это, сами понимаете больные дети. С ними нужно очень осторожно. Они могут и ответить. Ставку мы вам наберем, но не больше.

- Хорошо, я вначале и не хотела бы брать большую нагрузку, - говорит Ольга. – А почему класс такой сложный?

- Семьи... Кто-то попивает, а кто-то не справляется. У вас будет очень трудный год. Подготовьтесь к этому У вас будут другие года и другие классы, но именно этот будет очень тяжелым.

Ольга кивает. Она готова. Ну или думает, что это так.

После разговора с заучем Ольга идет к директору.

- Ну что, Татьяна Константиновна берет? – спрашивает он.

- Да, - отвечает она.

Значит, вот как... Вот как здесь все устроено.

- Хорошо, идите заполняйте бумаги.

И Ольга отправляется к секретарю.

Пока она пишет, из дверей появляется зауч.

- Возьмете ключ в приемной от кабинета. Еще вам нужно будет приехать получить в библиотеке учебники на ваш класс и провести «Урок дружбы» первого сентября. Это три часа по плану.

Ольга молча смотрит на новое начальство. Ей не очень понятно, что такое «урок дружбы».

- Этим вообще-то занимается зауч по воспитательной работе, но ее сейчас нет, - поясняет Татьяна Константиновна. – Посмотрите в интернете. Да, и еще вы должны будете составить рабочие программы по каждому предмету. Можете начинать писать.

Программы... Урок дружбы...

А точно ли она хорошо подумала?

Ольга берет ключи.

1 сентября

Тут у многих читателей, особенно тех, кто постарше, возникнет вопрос: а как вообще оказалась отличница Оля в школе, тем более такой школе? Ответим – очень просто.

Дело происходило в провинции, в областном центре европейской части нашей страны, где молодежи было негде работать. Промышленность, когда-то процветавшая в регионе, в 90-е годы умерла и так и не воскресла, все, кто поактивнее, старались уехать в Москву или Питер. Ольга тоже думала об этом, но муж был категорически против, а бросить его она не могла.

Фактически после выпуска у нее было три дороги. Она могла остаться лаборантом в университете, где и так уже работала на полставки, начиная с пятого курса. Но жить на деньги, которые она там зарабатывала, было нельзя. Можно было искать работу в СМИ, но с некоторых пор Ольга остро ощущала бессмысленность этого дела. На кухню региональной прессы она насмотрелась еще в школе. В маленьком городе вымирающей области писать было просто не о чем.

А ведь Ольга очень любила свой предмет, свою специальность. Иначе она и не стала бы поступать на филфак. Она чувствовала там себя как дома. Ее обожали преподаватели, однокурсники завидовали и любили. Любили, потому что была Ольга была веселой, компанейской, играла на гитаре,

сочиняла стихи и репризы для концертов самодеятельности. У нее хорошо получалось выстраивать отношения с другими людьми.

Хотя о карьере учителя она никогда не мечтала. Но почему бы и нет? Все-таки профессиональная реализация. Возможность говорить о том, что она так любит – языке, литературе... После педпрактики в лицее ее носили на руках и всячески рекомендовали идти в школу.

Конечно, сомнения были. Но Ольга все же решила попробовать.

Найти работу рядом с домом, в центре, ей не удалось. В топовые городские школы учителя не требовались. Да и не в топовых она прошла собеседование только с третьего раза. Везде хотели человека с опытом, а красный диплом особой роли не играл.

Потом, разговаривая с однокурсниками, уехавшими в большие города, Ольга узнала, что так не везде. Там за сильных выпускников школы держались руками и ногами, предлагали луну с неба достать, только бы удержать. Но в ее городе было негде работать. Это была та реальность, которую надо было принять, или уезжать. А уехать она опять-таки не могла.

В конце концов Ольга оказалась в школе на пролетарской окраине города. Когда-то здесь было несколько заводов, от которых рабочие получали жилье в хрущёвках и семейных общежитиях, наличествовал так же частный сектор и новые

дома, квартиры в которых брали в основном под ипотеку и материнский капитал. Район в целом производил впечатление тягостное и пользовался не лучшей репутацией.

И вот наконец наступило первое сентября.

- А вы знаете, что у нас очень сложный класс? – это было первое, что она услышала от одной из мам, как потом оказалось, из числа активных.

- Да, мне говорили, - ответила Ольга.

Ее уже стало раздражать то, что все окружающие стараются нагнать на нее страху.

На линейке родители смотрели на нее с ужасом. Несколько мальчишек не могли выстоять даже речь директора. Их по фамилии одергивали учителя из соседних классов. Ольга быстро их запомнила и стала делать то же самое.

- Шестой «а»! – объявила зауч. – Надеемся, вы повзрослели

И Ольга со своими подопечными отправилась в класс.

Там она представилась, выдала учебники и попыталась провести «урок дружбы», разработку по которому нашла в сети накануне.

Боже, в какой же дурдом превратился этот классный час! Если бы дети хотели только общаться... Но нет. Они дергали друг друга, хватали за волосы, пинали под партой, кто-то швырнул только что полученным учебником в соседа...

- А у нас так каждый день! – весело сообщил ей какой-то мальчишка с первой парты.

И она чего-то ради должна была держать детей три академических часа! Зачем? Только потом Ольга поймет: потому что зауч по воспитательной работе решила распределить часы именно так. Посчитала это целесообразным. Но что должна была делать с детьми она, только приступающая к работе? Вся ее разработка оказалась исчерпана очень, быстро да дети и не желали выполнять то, что она говорит. Только потом она поймет, что с этим классом вообще почти невозможно работать устно, а уж тем более первого сентября, в неучебный день.

Поняв, что ситуация вышла из-под контроля, Ольга отпустила детей по домам. Класс с воплями и гиканьем полетел на улицу.

Ольга оглядела кабинет. Парты были сдвинуты, один стул перевернут. Кругом валялись бумажки, мусор, разорванные и смятые смайлики, которые для «урока дружбы» вырезала она накануне.

А точно ли она хорошо подумала?

Творческий подход

После «урока дружбы» на душе у Ольги было, конечно, тяжело. Но что было делать, не увольняться же. Так легко сдаваться она не привыкла. Да и когда ты работаешь в школе, тебе просто некогда впадать в депрессию и рефлексировать. Второго сентября у нее было четыре урока, и к ним надо было готовиться.

Что представлял из себя класс, руководство которым ей поручили? Двадцать девять человек по списку. Всего десять девочек, девятнадцать парней. Двое состояли на учете в КДН. Двое имели условный перевод (по старым правилам это были «второгодники», дети, получившие двойки в году). Одна девочка была под опекой. В классе был один отличник и восемь хорошистов.

Впрочем, почти сразу ребят стало двадцать восемь, одного из состоящих на учете в КДН мальчишек отправили в закрытую школу. Ольга увидела его только 1 сентября. Но то, что она о нем слышала, заставляло от всего сердца порадоваться его исчезновению.

- Когда был Бурлаков, было еще хуже, - рассказывала ей Маша Ласточкина, маленькая большеглазая девочка. – Парты по классу летали.

Хуже? Но куда хуже? Ольга просто не могла это понять.

В тот год в школу пришло шесть новых учителей. Не все

из них были молодыми. Была там взрослая женщина с тремя детьми, закончившая пединститут давным-давно (ее поставили на коррекционный класс в началке), и даже одна из мам ее класса, которой спешным порядком дали классное руководство в одном из четвертых классов, а так же труды, рисование и основы православной культуры (любопытно, что эта мама, биолог по образованию, в прошлом судмедэксперт, была убежденной атеисткой и терпеть не могла Церковь и церковников). Вообще в школе была очень большая текучка, люди приходили и уходили, не доработав не только до конца года, но иногда и четверти.

Математику, историю и, понятно дело, русский и литературу у ее шестого класса преподавали теперь молодые специалисты. На этих уроках шестой «а» стоял на ушах. Ольгу как классного руководителя часто вызывали успокаивать детей. Она шла к коллегам и читала нотации, говоря слова, в которые сама не верила. Собирала дневники и грозила звонками домой. Звонить и вправду приходилось, ведь иначе ее словам никто бы не поверил (помогало это, скажем прямо, на день-два).

Но и на других уроках класс не сидел. Было всего два учителя, которые с ним справлялись, две суровые, закаленные в педагогическом аду тетки – географ и биолог. И больше всего Ольгу поражало, когда она шла по коридору и к ней подходили другие учителя и начинали жаловаться на детей. Не молодые коллеги, а вполне взрослые люди.

Они видели в ней классного руководителя и считали, что она может воздействовать.

Ольга пыталась. Да. Получалось плохо.

Очень скоро она поняла, что устно работать с этими детьми нельзя. Если они были не заняты, то они тут же начинали выпрыгивать из штанов. Их энергии мог позавидовать бы любой. Поэтому уроки русского языка превращались в сплошную писанину. Конечно, Ольга знала, что форм и приемов работы множество, но если только ее дети не писали, значит, они начинали орать. Урок можно было считать потерянными.

Поэтому они чертили схемы, таблицы, без конца списывали с доски.

Но не заставишь же их писать на литературе! И поэтому литературы в классе почти что не было. Что можно обсуждать, если все орут?

Да, такого Ольга не ожидала.

Добро бы она раньше не видела детей Но ведь это было не так. У нее было три педпрактики в лицее, по которым она имела отличные отметки. Хорошо, пусть педпрактики – это не то, но на пятом курсе ей пришлось замещать заболевшую учительницу. Целый месяц она преподавала русский и литературу у шестого класса, без методиста, без предметника, и ей даже заплатили какие-то деньги. И класс тоже считался сложным, и поначалу у нее были сорванные уроки. Но потом она подобрала интересный материал, подготовилась, и ребя-

та слушали ее, раскрыв рот. Ольга знала, что она интересно рассказывает, ей многие об этом говорили. В классе стояла идеальная тишина и не потому, что дети боялись, она сумела их увлечь.

Расставались чуть ли не со слезами.

У нее остались конспекты с практик, она пыталась использовать их в работе. И это было абсолютно невозможно. Эти дети не выполняли то, что делали ее лицейские ребята. В большинстве своем они не понимали сути заданий. А то, что она пыталась до них донести, было им просто неинтересно.

Например, когда они изучали «Станционного зрителя», Ольга начала рассказывать про Болдинскую осень, помолвку с Натальей Гончаровой, о том, как Пушкин стеснялся своей жены, которая была выше его, и на приемах старался не становиться с ней рядом. В лицее это заинтересовало ребят: оказывается, у поэта тоже были комплексы! Все мы люди, все мы человеки.

Тут и Пушкин, и Гончарова были всем по барабану.

Катились бы они со своими комплексами, со своим Болдиным и «Станционным зрителем».

Кому они нужны?

Спустя две недели ее урок осчастливила своим появлением зауч Татьяна Константиновна.

Это был русский. И по меркам Ольги урок был неплохой. Во-первых, дети вели себя тихо. Во-вторых, у нее была грамотная логичная таблица, она не забыла про вступительное

СЛОВО И ИТОГ.

- Покажите ваш конспект, - велела завуч.

Ольга протянула тетрадку. По привычке отличницы она добросовестно подходила к подготовке к урокам, конспекты у нее были всегда, несмотря на то, что никто не предупредил о том, что их будут проверять.

Следующим уроком у нее было «окно».

- Давайте поговорим, - предложила завуч.

Ну, поговорим так поговорим.

Ольга ждала, что сейчас, как на практике, будут разбирать плюсы и минусы ее урока. Она прекрасно понимала, что минусы будут.

Но ее ждало нечто иное.

- Во-первых, это не конспект, это план. Где цели и задачи? – начала завуч. – Во-вторых, вы выбрали устаревшую форму работы

Ольга не стала спорить с начальством, но про себя-то, конечно, подумала: на фиг нужны эти цели и задачи? Если у тебя тема «Имя существительное», это и ежику понятно, о чем ты будешь говорить. Неужели надо каждый раз расписывать, как в вузе, обучающую, развивающую и воспитательную цели, а к ним по две-три задачи? Зачем это, к чему, сколько времени уходит на это... И потом, работающие учителя на практике ей говорили, что воспитательную цель уже не пишут, да она почти всегда одна и та же, или «прививать любовь к родному языку», или «воспитывать любовь к Оте-

честву».

Но если начальство считает, что так надо, хорошо Со своим гуманитарным складом ума Ольга могла сочинить любые цели и задачи за пять минут. Времени было только жаль.

Ольге не повезло. Будь ее зауч математиком или физиком, что она могла бы сказать по сути ее урока? Увы, Татьяна Константиновна была русистом, двадцать пять лет проработавшим в школе. Сравниться с ней было невозможно.

Оказалось, что работать с учебником ныне уже немодно. Нужно рисовать кластеры, «дерево стремлений», «лестницу ожиданий» и тому подобные современные вещи. Задействовать интерактивную доску (Ольга задействовала, с компьютером она была, слава те Господи, в ладах, но в основном на литературе).

- Мы должны сделать так, чтобы детям было интересно учиться, - заключила завуч. – Нужно использовать творческий подход.

Творческий подход...

Что-что, а в отсутствии креатива Ольгу никогда не обвиняли.

Вот только какой творческий подход может быть в этих условиях, она понять не могла.

Девятый КРО и индивидуальник

Ольга никогда не могла бы подумать, что полюбит девятый коррекционный класс. Но Боже, после шестого там действительно было хорошо! Во-первых, там было всего семь человек. Во-вторых, все они были взрослыми, никто не скакал по партам и не орал, как обезьяна. Уже это заставляло ее сердце замирать от радости.

На уроках в девятом классе она отдыхала.

Там было только три девочки. В том числе цыганка, читавшая со скоростью сорок слов в минуту. Все девчонки были очень приличными людьми, да и с парнями у нее сложились неплохие отношения. Заставить некоторых из них писать, правда, было невозможно. Ольга пыталась орать, обращаться к классному руководителю. «Не тратьте вы на них свои нервы», - подмигивала ей в ответ классная 9 «г», очень пожилой физик. Ольга вообще заметила интересную особенность: пожилых учителей часто ставили на коррекцию. Считали, что они хуже не сделают?

Один из парней приходил на уроки и ложился на парту. Приходил, правда, редко. Вскоре Ольга узнала, что он частенько полеживает в находившемся по соседству наркодиспансере. Потом девятый КРО отдадут другому учителю, и Ольга так и не узнает, закончил он школу или нет. Во втором полугодии он вроде вовсе бросит ходить.

Поначалу, по неопытности, она пыталась завалить их двойками (на которые всем было плевать), но что-то щелкнуло внутри, сработал какой-то предохранительный клапан: а может ли она их поставить? Ольга осторожно поинтересовалась у ребят: а двойки в четверти у вас вообще бывают? Ей сказали: нет, никогда. Она аккуратно спросила о том же у коллег (к заучу идти не хотелось). Да, в коррекционных классах нельзя было ставить итоговые неудовлетворительные отметки.

Ну что ж! Все это превращалось в игру в образование. Но ведь Татьяна Константиновна обещала, что у нее будут и другие классы.

Что касается обучения, то, по мнению Ольги, все это было бесполезно. По русскому языку они изучали синтаксис, обособленные члены предложения и сложноподчиненные и сложносочиненные конструкции, а эти ребята не усвоили правописание чу, щу с буквой у и безударной гласной в корне – то, что проходят в первом-втором классе.

Читали они плохо. Потом Ольга изумленно обнаружит, что и в общеобразовательных классах ребята читают часто по слогам. Что с этим делать, ей было совершенно непонятно. Нужно как можно больше тренироваться, но как, если дома они не читают совсем...

По литературе они изучали «Горе от ума», Жуковского. Ольга требовала, чтобы обязательно приносили тексты, читала с ребятами по ролям. Гордилась тем, что один из маль-

чишек впервые за девять лет дошел до школьной библиотеки. Там даже удивились, его увидев. Это были ее маленькие, крошечные победы.

Ее забавляли их суждения. Несмотря на кажущуюся наивность, часто в них содержалось здоровое зерно. К примеру, Чацкий им не понравился, потому что он «слишком много говорит». А ведь это в самом деле герой-резонер, герой, который говорит, а не делает... Этим он и раздражает.

С дополнительными часами для подготовки к экзаменационному изложению в девятом классе у нее выходила ставка. Но на ставке она просидела недели две, вскоре к ней прикрепили мальчика-индивидуальника, который не смог учиться в общеобразовательном классе из-за непонятного неврологического заболевания. У него часто кружилась голова, он был какой-то болезненный и тихий. Ольга смотрела на него, сравнивала со своими бандитами и понимала, что в самом деле, наверно, ему лучше дома... затопчут...

Итак, теперь у нее было двадцать два часа. Четыре-пять урока в день. Она приходила в школу к восьми часам, ставила детей на питание (нужно было сбегать к своему шестому классу, узнать, кто отсутствует, и отнести список в столовую), давала уроки. После шестого нужно было проследить, как подежурят ее шестиклассники, оставлять детей одних администрация категорически запрещала (и, как понимала Ольга, справедливо). В это же время к ней на дополнительные занятия по подготовке к изложению приходили де-

вятикласники (вернее, те из них, кто дошел, иногда это была одна-единственная ответственная девочка). Когда дежурные забивали, Ольга мыла класса сама. Освобождалась она в три часа, но предпочитала не идти домой, а проверять тетради в кабинете. В школе ей работалось лучше. Там же она писала конспекты.

Домой она отправлялась в пять-полшестого. Иногда в шесть. В школе в это время уже никого не было, кроме вахтера. Дома Ольга каждый день что-то смотрела к урокам, искала разработки, подбирала иллюстративный материал для показа на проекторе. Домашний компьютер ее уже был забит вирусами, которые прилеплялись к презентациям и прочему, что она скачивала.

Директор предлагал ей еще шесть часов в наркодиспансере, малолетних пациентов которого должна была обучать школа, но Ольга сумела отбрехаться. Еще таскаться туда ей не хватало. «Для учителя ответственности никакой...» - намекнул он. Но это не волновало Ольгу, она не боялась ответственности, она просто хотела сэкономить время.

Столовая

Особым испытанием нервов Ольги были походы в столовую. Как классный руководитель она обязана была сопровождать туда детей и следить за порядком (то есть за тем, чтобы они не кидались булками). В целом ребята вели себя там еще более-менее прилично (по меркам этого класса).

Однако были инциденты. Как-то раз тем, кто ел платные обеды (так же выдавались они малообеспеченным), положили пюре с рыбой. Естественно, рыбу ребята терпеть не могли. Мальчишки собрали ее на тарелку с хлебом и воткнули сверху карточку «6 А».

На следующий день ее подозвала к себе работница столовой. Огромная желеобразная тетка была зла как черт.

- Вы классный руководитель шестого «а»?! Вы знаете, что сделал ваш класс?! – у нее был такой вид, словно она готова лично притряхнуть Ольгу за то, что натворили ее ребята.

- Послушайте, я виновата, - Ольга старалась сохранять спокойствие. – Но я работаю с ними всего две недели. Вы считаете, я такими их сделала?

Тетка колыхнулась вперед.

- А чей это класс?

- Тамары Федоровны.

- Ах, Тамары Федоровны Ну, понятно. У нее был неуправляемый класс. Неуправляемый! Так вы их третий классный

руководитель? Ведь она их выпустила и из школы ушла. И Галина Николаевна из-за них ушла. Вот у меня сын тут учился, у них каждый год менялась классная! Каждый год! Я, бывало, заведу на кухню, как съезжу по ушам, атата! Меня все боялись.

Ольга примирительно кивает. Ссориться с работниками столовой у нее нет никакого желания.

В целом она не могла сказать, что ее дети злы. Нет. Они были только бешеными и на учебу им было наплевать. Некоторые подворовывали, но как она потом узнала, бывает и хуже. К Ольге они относились с интересом и стремились заслужить ее внимание.

Государство обеспечивало всех обязательными экспресс-завтраками: булочка и чай или печенье и компот. Некоторые их вообще не ели, не любили. Естественно, это были дети из сытых, богатых семей. Одну лишнюю порцию дети непременно сберегали для нее: это для Ольги Валерьевны. Сначала она стеснялась брать, но потом дала себя уговорить. «А Галина Николаевна ела с нами!» - галдели ребята. Они всегда сравнивали ее со старыми учителями.

А жрать хотелось, как в юности. Видимо, сказывался стресс.

После завтрака положено было убирать посуду на специальные столы. Кто-то убирал, кто-то бросал. Скрепя зубы Ольга убирала оставшиеся стаканы сама. Так делали почти все учителя. Ей помогал Денис Мединский – гиперактивный

мальчик-условник с двумя двойками за пятый класс. Почему он это делает, было понятно. Ольга должна была принимать у него работу за прошлый год, от нее зависело, останется ли ребенок в школе. И это бесило ее до глубины души. Бесила роль судьи, бесило подхалимство подученного мамой ребенка. Она много раз говорила: «Денис, не убирай, иди в класс», - но он ее не слушал. В то, что он делает это бескорыстно, Ольга не верила.

Но это была лишь меньшая из неприятностей, связанных со столовой. Гораздо хуже было другое. После второго урока дети завтракали, а после четвертого обедали – те, кто платил полную сумму, малообеспеченные, питавшиеся бесплатно, и социальники, платившие тридцать процентов. Все данные о том, сколько детей каких категорий у нее сегодня ест, Ольга давала столовой утром. Всего у нее обедало семнадцать человек.

Почти сразу Ольга заметила, что вместе с теми, кого она ставит на питание как обедающих, ходят и другие. Тот же Мединский. И всегда Саша Котиков.

Саша Котиков был щуплым взъерошенным мальчиком с испорченными зубами и хитроватым взглядом. Он был тем единственным, кто состоял на учете в КДН. По способностям он мог бы быть даже хорошистом, если бы в семье кто-то хоть немного им интересовался. Но на его школьные успехи дома было всем наплевать. Да какие там успехи, он ходил голодным. Вместе с Мединским они ждали, не откажет-

ся ли кто-то от своей порции и съедали ее. Например, иногда в обед давали рис – почти никто из «платников» его не ел. Тогда эту порцию съедали Котиков, Мединский или кто-то еще из столовской шантрапы. Смотреть на это Ольге было очень тяжело.

Она вспоминала свое детство, отнюдь не золотое, прошедшее на тяжелые 90-е годы, и понимала, что такого у них просто не было. Не было этого расслоения. Все ее одноклассники жили примерно одинаково плохо, ходили в вещах с рынка и из секонд-хенда. Никакой формы тогда не существовало (Ольга искренне считала, что она и не нужна). Питались чем бог послал. Ольга сама какой-то период ела бесплатные обеды (о этот крик поварихи на всю столовку «Малоимущие, пятый стол!»), вкус этих холодных, несоленых макарон, слипшихся в склизкий осьминожий комок, она забудет разве что в гробу. Но это было как-то не стыдно. Или не особо стыдно. Потому что так жили почти все.

Теперь было по-другому.

Когда она собирала на классном часу данные для того, чтобы заполнить журнал (мама, папа, телефоны, кем работают, где живут), она видела, что многие дети стесняются отвечать. Они говорили чуть ли не шепотом, отводя глаза.

Ольга помнила из своего детства, как классная, стоя за столом, спрашивала:

- Вы живете с папой или нет?

И как это было мучительно говорить «да», когда в про-

шлом году было «нет» и наоборот. Теперь она понимала, что той надо было просто записать, полная у нее семья или нет. Ольга старалась хоть этой ошибки не делать, она не спрашивала на весь класс, подходила к каждому за парту.

Впрочем, она сделала миллион других.

ЧП

Сентябрь прошел в каком-то чаду. В октябре Ольга начала считать дни до каникул.

Как бы ни было худо, она не плакала на уроках да и вообще в школе. Да, конечно, она не контролировала ситуацию на литературе и классном часу, которые всегда превращались в какой-то кошмар, но все-таки она держала себя в руках. Но все бывает в первый раз.

Однажды на уроке Котиков сел на подоконник открытого окна.

Ольга к этому моменту его почти ненавидела (он постоянно мешал, матерился, вел себя как вздумается), но когда она увидела Сашу в открытом окне третьего этажа, у нее потемнело в глазах.

Ведь это ребенок. Ребенок!

Пусть сложный, тяжелый, но это же ребенок...

Стоит только какому-то дураку подойти, толкнуть его в грудь, и он полетит вниз...

Ольга согнала его с подоконника и поняла, что больше не может работать. Ребята на этот момент вообще не обратили особого внимания, почувствовав, что Ольга в астрале, они тут же принялись швыряться бумажками. Конец урока потонул в хаосе.

Пришел ее девятый класс. Ольга вышла в коридор, при-

слонилась лбом к стеклу и поняла, что по лицу текут слезы. Это было ее «все».

Простояв так перемену, Ольга вернулась в кабинет. У нее был русский с девятым.

Возвратившись, она увидела, как девчонки, включая полуграмотную цыганку, подметают бумажки. Лица у них были какие-то испуганные.

И вдруг ее затопило чувство тепла, которого она к ним не испытывала никогда.

- Спасибо, девочки...

После урока Ольга додумалась пойти к директору и заявить:

- А у меня ЧП.

- Какое?

- У меня Котиков сел на подоконник открытого окна.

- А, это не ЧП, - усмехнулся директор. – Окна закрывать надо.

Прямо в ад

Уже перед самыми каникулами в столовой к ней подошла Галина Афанасьевна, пожилая классная 9 «г».

- Ты знаешь, какие слухи-то ходят? – загадочно спросила она. – Эвелинка-то увольняется Снимут с тебя моих дебилов, а тебе отдадут ее классы.

Слухи подтвердил директор. Он зашел после уроков к Ольге в кабинет, как-то странно помялся у ее стола.

- У нас уходит учитель. Так я, знаете, сниму с вас индивидуальника и коррекционный класс, а взамен дам 7-ой «б» и восьмые...

- А как это будет по нагрузке?

- А по нагрузке это будет двадцать пять часов. Правда, у вас получается сборная солянка: шестой, седьмой, два восьмых. Это не есть хорошо. Но я думаю, вы справитесь.

Ольге лестно, что директор так думает, но в душе ее какие-то смутные сомнения.

Еще большую тревогу вызвал разговор с увольняющейся учительницей, Эвелиной Генриховной.

Ольга отдавала в починку завхозу раскуроченные стулья, когда та к ним подошла.

- Вы зачем стулья отдаете? С ума сошли? А если к вам придет большой класс? Новых стульев вам никто не даст.

- Эээ...

- Заходите ко мне, - усмехается Эвелина Генриховна. – А то на одном этаже работаем, а только здороваемся.

Они действительно работали в соседних кабинетах, но только здоровались. Их ничего не связывало, Эвелина Генриховна была старше в два раза, у нее было холодное, какое-то замкнутое лицо. Общаться с ней Ольгу не тянуло.

Ольга зашла к ней.

- Ну и как вам? – спрашивает та. – Как вам контингент? Как администрация?

Ольга понимает, что от нее ждут жалоб, но жаловаться она не хочет.

- Ну, меня предупреждали. Трудно, конечно.

- Понятно

- А вы считаете, что администрация плохая?

Эвелина Генриховна смотрит на нее долгим внимательным взглядом.

- Я вообще считаю, что школа – это не для семейных людей. Впрочем, может быть, у вас нет семьи?

- Все есть...

- Ваш класс, конечно, сложный. Тут в прошлом году отдельный педсовет из-за него собирали.

- А хорошие классы вообще бывают?

- В этой школе нет.

- А... почему вы здесь работаете? Простите мой вопрос.

- У меня не получилось уйти. Я вышла из декрета, развал, 90-е... некуда было идти. А сейчас мне предложили работу

совершенно неожиданно. Ухожу.

- Вы знаете, что мне дают ваши классы?

- Но седьмой, наверное, Татьяна Константиновна возьмет себе?

- Нет, почему же. И седьмой тоже

- Шестой, седьмой, два восьмых, и вы согласились? Зачем? Это же ад. Вы же с порога попадаете прямо в ад. О чем вы думали?

И Ольга понимает, что ей нечего на это сказать.

Школьный лагерь

Итак, первая четверть кончилась, Ольга выставила оценки, заполнила кучу отчетов... Начались каникулы.

Как известно, это дети на каникулах отдыхают. Учителя работают.

Ольгу поставили на школьный лагерь.

Школьный лагерь – это прибежище для тех, кому некуда деться. Так повелось изначально. Ведь какой вменяемый родитель отправит ребенка томиться в классе на его законных каникулах? Все стараются пристроить детей по бабушкам, в обеспеченных семьях с ними может сидеть мать-домохозяйка. Если же все работают, а бабушек нет, остается школа...

Впрочем, была и еще одна причина, по которой родители могли подавать заявки на лагерь. Малообеспеченных там кормили бесплатно.

Из класса Ольги заявки не подал никто. Да шестиклассники туда почти уже и не ходили. Однако в понедельник ее ждал сюрприз.

К ней подошла социальный педагог, Марина Дементьевна.
- Ты знаешь, что твой Овсов в школе? А заявки от него не было.

Овсов – новенький мальчик из многодетной семьи. Он с младшей сестрой ездит на пригородном автобусе из деревни. По учебе очень слаб, пишет просто фантастически, но

дисциплину сильно не нарушает, вернее сказать, на фоне 6 «а» не особо выделяется.

- Приехал сегодня с сестрой. Заявки ни на одного, ни на другого... Но видно, жрать-то хочется, - говорит Марина Дементьевна. – Ладно, найдем чем покормить.

Весь день Ольга занимается с ребятами из начальной школы. У нее почти весь коррекционный 3 «д». Она подготовила для них викторину в стихах, купила конфет на призы. Ходит в столовую, в спортзал, собирает пазлы. В спортзале Овсов, единственный шестиклассник, помогает организовать с ребятами из началки какие-то игры. Ольга ему очень благодарна, всю жизнь косившая от физкультуры, она даже правил большинства из них не помнит. Время летит быстро.

- Ольга Валерьевна, вы устали? – в конце дня спрашивает ее социальный педагог.

- Да нет. Не очень. Непривычно только как-то.

Что ни говори, а на каникулах она все-таки отдохнет. Не нужно все время строить детей, заставляя делать то, что они не хотят, не нужно кричать, не нужно проверять тетради

Ей сейчас так нужна эта пауза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.